

Астафьев Виктор Петрович Светопрестваление astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Прежде чем поведать о светопрествалении, я обязан означить географическое место действия и время, в которое оно происходило, потому как случается светопрестваление не каждый день, и для развития сюжета все это нужно, тем более сюжета сверхдраматического. Мы, современные сочинители, и без того озадачили и раздражили теоретиков литературы и ученых людей, ключющих крупку на полях отечественной словесности. Они рубахи друг на дружке пластают, споря: нужен или не нужен сюжет в современном художественном произведении? И одни утверждают, что без сюжета, как без мамы с папой, дети не могут появляться и никакой семьи, то есть художественной конструкции, получиться тоже не может. Другие, состоящие все более из старых, закаленных холостяков, с саркастическим смехом и надменностью отвергают дряхлую "концепцию" и приходят к резонному выводу в своих многоумных литературоведческих трудах, что-де, насчет папы вопрос не совсем ясен, но что касается мамы, то тут и слова тратить не на что, и спорить незачем, только дремуче-отсталые люди могут утверждать ее необходимость, только плохо информированные насчет достижений современного прогресса индивидуумы мужского пола, не читающие в дискуссиях центральных газет высказываний самих женщин, могут впадать в такое тяжкое заблуждение. За океаном одна женщина родила двойню при помощи искусственного осеменения? это раз! Второе? сам мужчина тоже догадлив, чтоб никуда не ходить, не звонить, не тратить время на ухаживания и на цветы, вкатит укол "от столбняка"? и никакая ему женщина не нужна, и энцефалитный клещ не страшен? сразу от двух зараз избавлен, ходит себе мужчина, поплевывает презрительно и торжествует: "А-а, ч?-о, взяли?!" Итак, место действия? одна из северных рек, ныне уже вторично подпертая гидросооружениями и окончательно утратившая черты реки и называемая просто водоемом. Все живое бросилось из нее врассыпную, убегло выше и дальше, начиная от людей и кончая рыбой. А в ту пору, о которой пойдет речь, река с устья с обеих сторон была заключена в заплоты, и из них, из заплотов, там и сям высыпались штабельки леса, узкоколейки аж в самую воду занырявали, катера ходили, машины ездили, звенели пилы, лаяли собаки, дымили трубы не большого, но и не маленького поселка; управления тут были с номерами и хитро сокращенными словами, детсады, столовые, школы и даже гостиница, окнами выходившая прямо к реке, и я сам видел одной весной, как перезимовавшая синичка, сидя на тонкострунной спирали забора, радостную пела песню и работяги слушали малую птаху и улыбались. Надо заметить, что все военные люди в поселке и вокруг были заядлые рыболовы, и сидишь, бывало, на лунке, дергаешь блесну, а часовой советы подает насчет глубин, насчет наживки, характера рыбы, метит выцоганить заграничную леску и магазинную блесну обменять на самоделку, склепанную из патронной гильзы или из латунной ложки, унесенной мастерами из столовки и выгодно обменной на какой-либо товар, чаще всего запретный. Клевало здесь в холода лучше всего возле быков железнодорожного моста, под заплотом трудовой колонии для малолетних преступников, и по-вдоль "хозяйства" Терещенко, номер которого я запамятовал. "Хозяйство" то тянулось километров на пять, места тут всем рыбакам хватало, и рыбы тоже, в особенности сороги... Так вот там, где заканчивалось "хозяйство" Терещенко, капризом ли судьбы, по недосмотру ли строгого начальства, на песчаном выносе, бывшем до затопления крутым песчаным обрывом, уцелел и шумел на ветру, высокими шапками золотая в прошве солнца, чубчик золотоствольного, голенастого сосняка, указующего стройностью своей и маловетвистостью на то, что был здесь сосновый бор. Вот на выносе-то на песчаном в ростепель тучилась рыба, и следственно? толпы рыбаков, где россыпью, где кучно, темнели здесь с утра и до самого позднего вечера. Рыбак тут велся четырех местностей: основной? из Череповца, поскольку промышленный гигант тучей дыма вспухал на близком горизонте, по левому берегу, за сосняками, и болотами, и болотными лесишками, за колокольней старого, но кем-то ухоженного собора, за нехитрыми строениями однодневного дома отдыха, для солидности именуемого профилакторием, за тремя-четырьмя полузаброшенными деревушками. Отсюда утренней порой, как в битву на озеро Чудское, лавиною валит череповецкий рыбак, черепянин? так он сам себя именовал. Второй по численности рыбак наступал с запада, со стороны Чуди, из вепсов, осевших на деревообделочных предприятиях меж Ленинградом и Вологдой. Сами ленинградцы на водоем ездили мало и неохотно? у них Карелия под боком. Третий рыбак? вологодский. Надо сразу и прямо сказать, тут его, вологодского рыбака, не читли и даже раздражались им, потому как вокруг Вологды столько рек, озер, прудов, стариц, проток и прочего, что только алчность, считали черепяне, завидующие глаза, загребущие руки могли гнать сюда вологжанина триста верст по морозу, на мотоцикле либо в грузовой машине, на которую опрокинут? для тепла? фанерный ящик из-под папирос или из-под мыла. Далее пойдет рыбак россыпом: ивановский, ярославский, московский,

Астафьев Виктор Петрович Светопрествление astafevvictor.ru
даже рязанский, рыбак малочисленный, но очень сосредоточенный и умелый. Заключал все пестрое общество рыбаков рыбак местный, держащийся несколько замкнуто и особняком по той же причине, что и Терещенко, ? нарваться можешь, особенно среди черепян, на вчерашнего подконвойного, да и где гарантия, что сегодняшний рыбак, вольно себя ведущий на льду, балакающий на разные темы, выпивающий братски из одной банки, завтра не окажется в "хозяйстве" Терещенко? Самый дерзкий, самый нахрапистый, самый шумный рыбак ? черепянин на белом поле льда отличался явственной других темной шевелящейся массой: большинство черепян срывались на рыбалку прямо с производства. Еще мокрые после душа доменщики, мартеновцы, прокатчики и прочая братия в засаленных телогрейках либо в суконной спецовке горячих цехов, в кирзовых сапожищах, за которые заткнуты две-одна удочки, в руке ведро, подобранное на свалке, ? посудина предназначена для рыбы и вместо сиденья. Никакого теплого белья на черепянах, никаких шарфов, варежек, плащей, никакой теплой обуви: наклонится человек над лункой ? спина голая. И грудь распахнута ? на рубахе пуговиц нет, под рубахами на теле где ключица, где ребро, где грудина или еще какая неожиданная кость, натянув ржавую кожу, выступала, и по прокопченному телу, что по древнему папирусу ? сплошь произведения искусства: изречения мыслителей, стихи, эпитафии, признания в любви и верности, орлы, русалки, щиты и мечи, кинжалы, обвитые змеями, профили Зой и Нин. Основные мысли и обращения на телах все больше лирико-иронического уклона, целые поэмы изображены с тайною надеждой к той, которая "умеет ждать", и получит она пламенную страсть, верное до гроба сердце, и тут же оно, сердце, насквозь пронзенное стрелой, будто кусок баранины шашлычным шампуром. Однажды костлявый, изветренный на природе, высушенный в горячем цехе черепянин ухнул в полынью. Мы его достали, содрали с него одежды, и я с изумлением, переходящим в ошарашенность, прочел на ребристой груди чуть было не утопшего человека: "Дедушка Калинин, век меня мотать, отпусти на волю, не буду воровать". Судя по возрасту рыбака, стих сей наносился на тело уже много годов спустя после смерти Калинина. Какая же крепкая вера жила в человеке в действительность печатного слова! Поскольку черепяне попадали на рыбалку прямо из горячих цехов, на пути к водоему, опережая толпу, до поту себя догоняли, то скоро они "играли зубарики", по-человечески говоря, стучали зубами от холода и часам к десяти-одиннадцати сплошь были пьяны. И сколь помню, всегда дружным коллективом хрипло орали череповецкие металлурги одну и ту же, отнюдь не промышленную, песню: "Мама встала в шесть часов". Фольклор, извлеченный из сложной жизненной ситуации, изрыгаемый черепянами, приводил в явное смущение по всей форме одетого вологодского рыбака, большей частью смиренного, скромного. У вологодского рыбака все заточено, подложено, ящики на боку с мудреными инкрустациями, рисунками или берестой украшены. По стыдливости, небуйности характера вологодские рыбаки отсаживались на версту, а то и на две от черепян, чтобы не слышать сраму. Но те, заметив, что у вологжан "берет", сами надвигались бесцеремонной толпой на уловное место и норовили так близко просверлить дырку, что вологжанин был вынужден утягивать под себя ноги и подбирать полы плаща, иначе просверлят. Я не берусь утверждать, что вологжанин по сравнению с черепянином ангел ? ни пить, ни материться не умеет. Но то и другое вологжанин делает вроде бы как под давлением жизненных обстоятельств. Еще в первые годы после переезда в Вологду, плохо разбираясь в местном выговоре, был я на охоте в деревне Семеновской Харовского района. И вот Первого мая явился мужик к нашей хозяйке и зацокал, как белка. Не сразу, но я догадался, что он матерится. Будучи сам немалым специалистом по этой части, я, как ни пытался, ни в одном из отечественных матюков не припомнил звука "це". Однако ж вологодский мужик процокал на одном дыхании не менее получаса, и хозяйка вынесла ему пятерку. Мужик ее взял, угрюмо нам поклонился и ушел. Хозяйка перевела бессмысленное, на наш взгляд, цоканье: "Праздник экой большушшой, а она, курица (жена), выдала на одну бутылку и больше не дает". В жизни вологжанин тих нравом, ласков взглядом, с вечной застенчивой улыбкой на лице. А что у него в середке ? поди разбери! Сами ли вологжане, но скорей всего неблагодарные "варяги" сочинили анекдот про Ермила Данилыча, почти век проработавшего в вологодском локомотивном депо и ни разу на работу не опоздавшего. И вот одним утром нет Данилыча на работе! Ждут-пождут товарищи по труду пятнадцать минут, двадцать, полчаса ? и в горе погружаются: видно, помер Данилыч, потому как смерть, только неумолимая смерть могла остановить такого труженика и передовика на пути к станку. Вдруг бежит Данилыч, запыхался. Все: и рабочие, и начальство ? кинулись узнавать, какое такое чрезвычайное обстоятельство задержало человека? Уж не сердечный ли приступ? "Да нет, ? говорит Данилыч. ? Не приступ. Баба пятерку потеряла". ? "И ты помогал бабе искать пятерку?" ? "Я на ?й стоял, на пятерке-то..." Бывало, наберешься мужества, попросишь на рыбалке у вологжанина мотыля. Он перво-наперво поинтересуется, отчего сам мотыля-то не намыл? "Лопаты нету и лотка для промывки нету". ? "Дак

Астафьев Виктор Петрович Светопреставление astafevvictor.ru сделал бы". ? "Нековды". ? "А мне есь ковды?!" ? и нехотя полезет за пазуху, долго там шарится, будто коробку найти не может, потом возьмет щепотку мотыля и с лицом страдающим протянет тебе наживку, как ладошку подставишь ? обратно полщепотки стряхнет и со скорбным выдохом поникнет над холодным зраком лунки: ни стыда, ни совести у людей ? обобрали средь бела дня. У черепашина попроси наживки ? он мотнет головой с передней стороны, в которую всунута сигарка, руки упрятаны под телогрейку, и прогавкает холодом сведенным ртом: "Там, в банке, возьми. Да оне подохли, падлы". И он же, черепапин, увидев у тебя коробку со свежей наживкой, на ночевке может вынуть коробку из кармана ? и не взыщи. О выпивке и говорить нечего. Учует ? пират пиратом сделается. Пока не овладеет, никакого покоя не знает. Однако ж при всем при этом рыбацкой спайке не чужды ни вологжане, ни черепаине, если беда или авария ? будут выручать. В добыче более ревнивы вологжане. Неистовость вологодского рыбака обнаруживает порой такие в нем скрытые силы, такую самоотверженность и такое достоинство, каких он и сам в себе не подозревает. Препними веснами на озере кубенском брала нельма на блесну. Местные, прикубенские жители в пору, когда "шла" нельма, всякие работы прекращали и ни землей, ни хозяйством не занимались. Рыбу пятילו вешней порой с истока реки Сухоны, которая веснами течет неделю, а то и две ? вспять, в озеро, и, оставив вечером косяк нельмы в таком-то районе семидесятиверстного озера, рыбаки поутру являлись туда и, наступая, будто пехота на супротивника, гулко били пешнями сотню-другую прорубей и в конце концов рыбу "нащупывали", рассыпались подковообразно по льду, все утро и весь день перемещаясь следом за рыбой, пятная лед россыпью лунок. В одно апрельское утро брякнул заморозок градусов на двадцать пять, и рыба оцепенела, не берет. Надо ждать солнца, грева, распара, и тогда, быть может... Стоят рыбаки на льду, треплются, курят, удочки подергивают, блеснами поигрывают, рассказывают о том, как много было рыбы прежде и как мало теперь. И вот диво! На льду появилась баба! В красной куртке. Встала в отдалении, ударила каблуком сапога во вчерашнюю лунку, не пробила, попросила у пожилого рыбака пешню, проколупала лед, спустила удочку с блесной в дырку и подергивает. Внимание всех находящихся вблизи рыбаков переметнулось на бабу, издевательские шуточки, насмешки, высказывания сгруппировать можно было бы в одну мысль ? в духе современных молодежных газет и журналов, где пионерки и пенсионерки бойко учат, как, кого и сколько надо любить, домохозяйки хвалят или ругают мужей за то, что те им помогают или не помогают мыть полы и посуду. Рыбаки единодушно решили, что эта вот, с позволения сказать, рыбацка хвалит мужика и через газету утверждает, что он у нее хороший: сам моет полы, стирает пеленки и белье, водится с дитем, а ей позволяет общаться с друзьями и вот даже на рыбалку отпустил. А все потому, как говорил мудрец Сенека ? шофер хлебопекарни: при хорошей жене и муж хорош, кстати, заядлый рыбак этот Сенека, выезжая с руководителем своего предприятия на лед, топил он уже три машины ? два "Москвича" и "Волгу", но сам уцелел при этом. Опытный рыбак... Измывательство над женщиной-рыбачкой приобретало массовый характер, и сама природа восстала против этого, заступилась за слабый пол: рыбацка вдруг завопила ? и только как злословившие мужики со всех ног бросились на помощь женщине, потому как на ее удочку клюнула щучища. Мигом она была извлечена умельцами на белый свет. Раздалбливавшие лунку, упыхавшиеся мужики тут же добычу взвесили на ручном безмене ? девять кило с граммами! Щука подпрыгивала, поленом бухалась об лед, сверкая пестрыми, как у африканского удава, боками и темной спиной. Рыбачка тарачила подведенные синькой глаза, пыталась говорить благодарствия мужикам. ? И шче же это тако? ? Вопрос задавал мужичонка, чуть побольше метра ростом, в плаще, низ которого колоколом стоял на льду, скрывая ноги человека. Плащ был перехвачен поясным ремнем и наискосок веревочной петлей от пешни. В руке мужичонки была зажата удочка, грубая, из вереса, с сучками-рогульками на конце, которыми местный рыбак ловко поддевает и выбрасывает из лунки лед. Лицо его, изветренное, изморщенное, напоминало растоптанную консервную банку из-под червей, спереди, с жерла ? все узко сплюснуто и вытянуто; сзади, "со дна" ? стриженный под бокс затылок без всякого изгиба катко уходил под взъерошенный башлык плаща. ? Эт-то шче же, оптать, тако? ? Мужичонка уцелил в пространство расплющенное лицо с расплющенным, далеко вперед вынесенным носом, ожидая ответа. ? Я двадцать пять годов рыбаку! И ни одна баба никовды меня не обрыбачивала! Меня, Кешку Короба, все Кубенское озеро знает! И вот, я ни... не изловил, баба изловила! Как жить? ? Ну, мушчины!.. Ну, я же не виновата, ? залепетала рыбацка и, переломив себя, добавила: ? Возьмите рыбу, если так... Только этого и надо было Кеше Коробу! Да штабы он, Кеша Короб, взял у какой-то бабы вонючую рыбину! Да она шче, издевается, шче ли?! Как она, вонючка, могла экое поганство придумать?! Он и сидеть-то с ней на одном месте не станет, не то шче рыбу брать! Она же, курва, детей бросила, мужа бросила, квартиру немыту оставила, обед невареный, одежда не стирана... Дети без надзорности фулиганами делаются, пьют, режутся. Полны

Астафьев Виктор Петрович Светопрествление astafevvictor.ru
колонии преступников, полны города и поселки алкоголиков, воров, обчество погибат, международная обстановка неясная, а она заместо того штоб охранять этот, как его? А, оптать, забыл. Слово-то старо. А-а, очаг. Заместо того штоб очаг охранять, она ? рыбачить! Это мы куда идем-то?.. Говоря все это, мужичонка надменно удалялся, шаркая плащом, и за ним суетливо бежала, тыкалась, виновато позванивала острая пешня. Километрах в трех от места происшествия сел Кеша Короб на лунку и отвернулся от людей. Солнце обнаружилось уже высокое и начало осаживать морозную пыль, обращая в парное облако изморозь, все шире и шире раздвигая просторы озера. Мужичонка вдаль окутался маревом, подплыл снизу, и ящик из-под него ровно бы вынесло сине плещущей волной света, и не сидел он, а плыл, качался на той волне. Не выдержали и рыбаки, один по одному подались к Кеше Коробу, и ? как сердце их чуяло! ? там, в стороне, и начался клев нельмы. Вынув трех дородных, прекрасных рыбин, Кеша Короб усмирился, лицо его, не лицо ? лик рассерженного, сурового бойца, помячело, и он позволил себе пару глотков из спрятанной в боковом кармане баклажки. Показывая посудиною вдаль на одиноко и сиротливо краснеющую фигурку рыбачки, Кеша Короб произнес с ворчливой милостью: ? Ну, оптать, ковды так, робята, ковды она нас на рыбу навела, пушшай идет... Однако ж я отвлекся и перескочу на триста пятьдесят верст, с озера Кубенского обратно на реку, потому как там и произошло светопрествление. Поскольку в действие скоро вступит московский рыбак, его, москвича, тоже надо охарактеризовать, чтоб уж потом гнать действие без передыху, как в современном театре: гонят, гонят и когда, все в мыле, останоятся, то ни артисты, ни зрители понять уж не могут: куда, кого и зачем гнали? Москвич ? он всегда разнолик и многообразен. В метро он один, в пивнушке и на стадионе ? другой, в квартире своей ? третий, на производстве ? четвертый, на курорте, в туристическом походе по достопримечательным местам ? пятый, на рыбалке ? шестой! Водится москвич, как русский ерш, на всяком, даже нежилом, водоеме и может съесть икру других рыб, после чего сделает вид, что в водоемах тех никогда и ничего, кроме ерша, не водилось и ничью он икру не ел. Если по-старинному, благостно-тихому, архитектурными памятниками украшенному городку идет человек с вольно расстегнутой волосатой грудью и на пузе у него болтается фотоаппарат или серенькая кинокамера, напоминающая птаху с клювом, если на лице этого человека царит гримаса пресыщенности, походка у него вальяжно-усталая, говорит он, как ему кажется, на свежайшем, остроумно-ехидном жаргоне, которым блатняки перестали пользоваться еще полвека назад, кривит губы, глядя на все местное: "Вот когда я был в Варне, в Баден-Бадене, то там", ? это он, столичный житель, отдыхает на российских просторах. Отдыхает и раскаивается, что погубил отпуск. Ведь мог бы в Ницце, даже на Канарских островах... да занесло простофилю по причине патриотизма в Вологду ? и что? Кому от этого хорошо? Вологде? России? Иной столичный житель присвоил себе право считать себя почти голубых кровей породой или нацией, и на этом основании желающий получать все лучшее, модное, свежее поперед остального народа, да ежели б ему инвентаря культурного да средств поприбавить, так уж и дворянином бы себя почел. Но зарплата и жилплощадь не позволяют, и теща никак не умирает ? она деревенской породы, крепкая, российская баба, фотоаппарат на пузе киевский, если б американский, в крайности ? западногерманский... А то так-то уж все есть для подготовки в дворяне: высокомерие, чванство, всезнайство, джинсы с непонятной наклейкой на задку, оплывшие от бледного жирка щеки, круглое пузцо, квартира обколочена жжеными плахами, три деревянные иконки и два медных креста к плахам прибиты, книга Высоцкого "Нерв" на полочке, сенбернар, таскающий на улице сумку в слюнявой пасти, лающий среди ночи на врагов ? этакий шалунишка, норовящий запрыгнуть сзади на гостя, особливо на гостью; восторженно влюбленная в искусство, модно одетая хозяйка, знающая, к какому вину идет сыр рокфор и к какому совсем ничего не идет, коньяк, допустим, надо во рту подержать, потом уж проглотить, но вот к "шизано" из Италии хороши апельсины ? "они ж, итальянцы ж, питаются ж исключительно апельсинами, да еще макаронами. Отсюда итальянский темперамент! Вы с последней книгой феллини не знакомы? Мыслящему человеку она необходима, как воздух. Он же ж возвысился до самой высокой правды, он же ж не щадит ни строя, ни правительства, даже народ критикует..." На рыбалке москвич скромнен. На пути к водоему старается не выделяться, трется в массу. Попавши на лед, садится в стороне, даже луночку сверлит норвежским сверлом так, чтоб никому шумом не досадить, никого собою не потревожить. Пообвыкнув, он выцелит зорким глазом рыбака мастерового и обязательно местного, как бы между прочим заинтересуется его снастями, подарит мормышечку, отливающую лампадной краснотой, и скромно заметит, что мормышка из вольфрама, самая необходимая для больших глубин, изготавливают ее только на предприятии, номер которого он, если бы даже и захотел, сообщить не может. Люди! Будьте бдительны! Берегись, рыбак! Не развешивай уши! Под эту мормышку вежливый москвич выведает у тебя все про здешнюю рыбу и про рыбаков. Чуть позже он угостит тебя коньяком из именной

Астафьев Виктор Петрович Светопреставление astafevvictor.ru
фляжки, отмотает три метра японской лески ? и за все за это угодит к тебе в дом ? на ночевку. Он уже ведает, что висят у тебя, рыбака-простофили, иконки, доставшиеся от родителей, медный ковш, колоколец, старинная книга и канделябр, вывезенный из какого-то дворца в смутные годы. Более всего берегись тот рыбак, у которого дочь на выданье или еще молодая, ладная жена. Посидит за столом столичный гость, поблагодарит за еду, потом вскинет рыло к потолку и как бы в пространство ловко ввернет: "Есть женщины в русских селеньях!.." А ей, нашей русской бабе, того только и надо, чтоб отметили, что есть она, есть еще! В русских селеньях... И останется у твоей дочери в кармашке телефон, жена вдруг заявит, что как же это она почти тридцать лет прожила с неотесанным олухом, который ни есть, ни пить культурно не может, умственного разговора от него не дождешься, и вообще... Уедут иконки родительские, колокольцы и канделябр вместе с уловом местных рыбаков. Скупленная у черепян за бутылку обошлась рыба московскому гостю по пятнадцати копеек за кило. В Москве он съест по рублю за каждую голову и потрясет произведениями древнего искусства "знатоков", осмеет серую доверчивую деревню, где он выморщил домашние реликвии и посеял смуту в доме, пообещав устроить дочь в институт, где сразу на артисток и на переводчиц учат. Итак, массы в сборе, хотя и сидят порознь. На самых уловистых, с точки зрения массового рыбака, местах, почти друг на друге ? черепяне; в отдалении от них, на свежем, еще не испещренном льду ? рыбак вологодский, далее ? пестро и разнолюдно ? приезжий издали народ. Ясный день апреля. С серых холмов все скорее, все пенистей, все урчливей бегут ручьи; по всем оврагам, щелям и ложбинам несутся они, мутные, пьяные, тащат мусор. Отъело лед от берегов, и он горбато вспучился, снесло с него весь сор, всякое дерьмо и отбросы, столь щедро везде и всюду выделяемые высшим разумным существом, подровняло бугорки возле лунок, и сами лунки обьело по краям, округлило и расширило. В лунках плавают, кружится тля и какие-то блеклые метлячки. Их утягивает под лед. Рыба кормится и берет хорошо. В основном берут плотва и подлещик. Плотва на реке выдурела до килограмма весом, лещ, наоборот, усох до подлещика. Пахнут они торфом, болотиной, у плотвы ребра, что у колхозного барана, и в ухе, и в жарехе рыба невкусная. Но ее ловят, солят и вялят меж рам окон либо готовят по особому рецепту, отбивая дух уксусом, марганцовкой, мочат в молоке. Лихо берет пучеглазый ерш с раздутым от икры мыльным пузырем. Бандой налетает пестрый окунь, обрывает мормышки, сеет панику среди рыбаков. Мечется по льду рыбак, сверлит лед, торопливыми пальцами вяжет мормышки. Черепяне к предобеденной поре, упавшие вместе с ведром на лед, не выпуская удочки из рук, просыпаются, вскакивают и, ничего не понимая со сна, озьябие, дурные, на всякий случай начинают громко повторять: "Кошмар! Кошмар!" Выяснилось: Кошмар ? это фамилия сменного мастера в доменном цехе, и ругать его на всем комбинате привычно и необходимо ? для согрева тела и успокоения души. Все было в тот день, в день надвигающегося светопреставления, так же обыденно и привычно. Для меня день начался и вовсе небывало. Я долго работал над книгой, тоже о рыбе и рыбаках, извела она меня, измотала. Хворал я после нее долго, в больнице валялся. Хвать-похватать ? зима прошла, я и ни разу на льду не был, ни единой рыбки не поймал. Тут меня, еще полубольного, иглами в больнице истыканного, лекарствами отравленного, и позвали на рыбалку. Утром ринулся народ толпами с поездов, с машин, со станции, из поселков па лед. И я за народом поспешаю. Народ, он вдаль прет, к большой, невиданной рыбе. Мне невтерпеж. Увидел первые лунки с темной водой и скорее удочку сунул в мокро. Разматываю вторую удочку, отмеряю дно, как вижу: поплавок у первой удочки медленно так и уверенно пошел в глубину. Ну, думаю, течение в водоеме от весенних потоков получилось, поддернул удочку ? на ней вроде бы коряга, я выбирать леску ? нет, не коряга на ней, что-то кирпичом висит и не ворочается, но на свету, в лунке, зашевелилось. Тут я совсем проснулся, заспешил, заперебирал леску и выпер на лед большую рыбину. Смотрю ? вроде бы язь, но чешуя крупная, со спины рыбина темная, глаз и перья у нее красные. И не голавль, и не жерех. Кто же это? ? спросил у проходящих рыбаков, они небрежно сказали: сорога. Плотва, значит. Я, сколь на свете ни жил, сколь ни удил, больше ладони сороги не видел. Пока я недоумевал ? на вторую удочку клюнуло, и опять попалась плотва, чуть поменьше. Наживил я удочки, сижу, теплой сырью дышу, слушаю звук все явственней, все громче пробуждающегося утра, слушаю из ничего возникшего жаворонка, гляжу на чубчик сосняка, чудом спасшегося от современного топора. Солнцем меня начало пригревать, и тут я обнаружил, что сижу и плачу. И сразу понял я всю исходную причину слез: мог сдохнуть в больнице и не сдох, до весны вот додюжил, на рыбалку попал ? и сразу мне Бог ? конечно, Он, кто же еще? ? за все мои терпения и муки рыбу послал, жаворонки кружатся, сквозь живые еще сосны живое солнце прожигается, мощный хор металлургов блажит насчет пропажи резинки из трусов, рыбы прыгают у моих ног, мною пойманные!.. Хорошо-то как, Господи! А я уж чуть было не согласился все это покинуть. А на кого? Вместе со

Астафьев Виктор Петрович Светопреставление astafevvictor.ru
мною ведь и вправду кончится мир. Мой. Никто не поймает моих рыб, никто не порадуется моей радостью. Ну и что, что гавкают собаки, горланит радио ? все конторы нынче радиофицированы. Заставь дураков Богу молиться... Работая в районной газете, я и сам настойчиво внушал читателям, что есть, еще есть отдельные недостатки в жизни, не изжита преступность, склонность к алкоголизму, к присвоению как частной, так и государственной собственности. Но если бы все люди в это апрельское солнечное утро ловили рыбу, любовались солнцем, бьющим сквозь гривку сосняка, выскочившего на простор бережка, я верю, они не смогли бы творить черные дела, они бы умилились так же, как я, и им бы захотелось жить благостно и чисто... ? Это шче же тако, оптать?! Знакомый вопрос и знакомый голос вывели меня из задумчивости. С большой неохотой я расстался с иллюзиями, опустившись обратно на землю, точнее на берег реки, обнесенной по ту и по другую сторону сложно переплетенными проволоками на заборах, заплотами, будками, со все еще светящимися с ночи лампочками. Из будок тех глядели на рыбаков иззябшие сторожа и, чтоб скоротать время до смены, подавали советы: где сверлить лунки, на какие блесны и мормышки рыбачить, до какой глубины их опускать и как покачивать. ? Это шче же тако, товаришшы? Я окончательно проснулся и увидел перед собой человека в плаще, стоящем колоколом на льду, с лицом, напоминающим растоптанную банку из-под червей, с удочкой из ветки вереса, раздвоенной на конце, с миллиметровой жилкой, к которой была крепко и надежно привязана грубая блесна, формой напоминающая почти уже исчезнувшую рыбку-снетка. Снетка кушают люди, кошки, собаки, поросята, курицы, нельмы, щуки, судак, жерех, язь, даже лещ и крупная сорога, если зазевается малая рыбеха, имают и жуют ее, а он, снеток, никого, кроме блошки, мошки слопать не может. Передо мной стоял Кеша Короб. Я его узнал, он меня нет, потому как на Кубенском озере бывал я в массе рыбаков, ловил сорогу с ершами, Кеша же Короб был рыбаком избранным, охотился за нельмой, судаком, щукой да за крупным окунем, и запомнить меня, как специалиста незначительного, мало чего стоящего, не мог. Я утер слезы рукавицей и вопросительно глянул одним еще не зашурившимся от ослепительного солнца глазом на знаменитого рыбака. ? Ак, шче, экой срам несут! ? пояснил Кеша Короб. ? Послушашь этих черепаи, дак хоть к дитям не являйся, заразишься от их, оптать... "Батюшки-святы! ? я еще раз протер меховой оторочкой рукавицы сперва зрячий глаз, потом, на всякий случай, и второй, незрячий. ? Да уж Кеша ли это? Короб ли? Не огляделся ли я?" Да, передо мной был Кеша Короб, но ни матюка, ни намека на ругань, кроме "оптать", который в его исполнении ругательством-то и не звучал, с изветренных его уст не то что не срывалось, но даже и в отдалении не предвиделось. И тут я, еще в детстве числившийся в колдунах, своим притчеватым языком ляпнул: ? Светопреставление! ? и не придал, как и многие современники, никакого значения слову, а надо бы. Кеша Короб бросил блесну в обтаявшую лунку, она звякнула о край льда и, булькнув, исчезла в глубине. Знаменитый рыбак по-прежнему никаких крючков и мормышек не признавал. На Кубене с пашен и притоков смыло прошлой весной удобрения, и берега знаменитого озера покрылись дохлой рыбой. Не рыбачить Кеша Короб не мог, в рыбалке был весь смысл его жизни и, прослышав про здешнего тучей плавающего судака, он подался в незнакомый край, сделав крюк в триста пятьдесят верст, появился на новом водоеме, вдали от родины. Привыкал к новой местности, к рыбакам, среди которых никто не знал, что там, у себя дома, Кеша Короб ? царь и бог, тут же ? рядовой рыбак, и никакого ему почтения, да еще эти черепаи, пропахшие металлом, опаленные огнем, ? мирному человеку, сыну скромной природы с ними непривычно и тревожно. Переходя от лунки к лунке, Кеша Короб обрыбачивал водоем и на свою корявую блесну цапнул уже трех мурластых окуней и одного судачонка школьного возраста ? не гуляя без мамы! В мирный весенний день, под все тем же светлым солнцем и вешним небом, на отдаленном водоеме сошлись и разошлись два рыбака. Кеша Короб, идя от лунки к лунке, все удалялся и удалялся, я, еще недавно мрачный, тяжелый душой, недовольный современной действительностью, культурой вообще и литературой в частности, радостно голосил: ? Как прекрасен этот мир, посмотри... ? далее я слов не знал в этой песне, да и какую голову надо иметь, чтобы современную песню запомнить? Это может сделать только Русланова, не та, покойная Русланова, другая какая-то. Когда рыбаки ждали рассвета в битком набитом вокзалишке станции, новая Русланова вела песнь по радио, на слова шаферана: "Надира дам, я твоя! Надира дам, я твоя..." Один рыбак не выдержал и восхитился:.. "Ну и память, мля..." А я подумал: "Ну и гигант!" И вот, продляя удовольствие, я тянул как можно длиннее: "Ка-а-а-а-ак, пре-э-э-экра-а-а-асе-е-ен!.. Надира дам, на-ди-и-ира да-ам..." ? он уже склонялся к мысли, что у меня получается но хуже, чем у самую Рашида Бейбутова, как вдруг весеннее солнечное пространство пронзил, именно пронзил страшный вопль. И я увидел не бегущего ? прямо-таки летящего надо льдом по водоему Кешу Короба, без удочки. К этой поре все вокруг заметно подтаяло, на льду маслянисто светилась вода, местами собравшаяся в лужи и по проеденному льду

Астафьев Виктор Петрович Светопреставление astafevvictor.ru
стекающая в лунки. По бокам Кеши Короба взлетала ворохом вода, брызги, создавалась полная видимость стремительности полета птицы. Продолжая вопить, Кеша Короб бежал не ко мне, человеческой одиночке, ? к массам бежал, которые он совсем недавно критиковал за непотребное поведение, заплетался в плаще и часто падал. Ляпнувшись и холодную воду, он катился какое-то расстояние по льду на брюхе и вопил пуце прежнего. В голосе его нарастал ужас, переходящий в рыдания. Очень походил Кеша Короб не только на птицу, но и на драпающего по фронту славянина, и вел он себя соответственно драпающему, в панику впавшему вояке: бросил боевое оружие-пешню, удочку, на ходу скинул рюкзак, оборвал петли на плаще и пытался скинуть его с себя, но плащ задубел от мокра, Кеше Коробу удалось сцарапать его лишь с одного рукава телогрейки, далее ему не хватило сил и мужества раздевать себя, скомканный плащ с задраным рукавом мчался за Кешей Коробом, вроде дурной собачонки, хватал его за ноги. Народ весь вскочил с ведер, с шарманок, с чурок, с магазинных ящиков, натасканных на лед, сгрудился, сошелся в кучу и окружил Кешу Короба. Вопль прервался, и я увидел в разрыве масс, как отпаивали Кешу из бутылки, после чего он стал указывать рукой в сторону лунки, где бросил удочку и пешню, и что-то говорил, говорил и, чтоб унять душевное волнение, сам уж, по собственной инициативе, припадал к бутылке. Осторожной, молчаливой цепью двинулись рыбаки к лунке, возле которой кинуто было боевое снаряжение рыбака. Сам он прятался за спины наступающих и оттуда, словно командир роты, давал руководящие указания. Я тоже есть русский человек, подверженный природному любопытству, хлебом меня не корми, дай посмотреть на драку или на свадьбу, бросил я удочки, забыл про рыбалку и двинулся встречь народу, как бы олицетворяя собою партизанскую силу, действующую с тыла. Не доходя до Кешиной лунки сажени три, наступающие цепи замерли. И я замер. На льду, жестким, багровым брызгаясь хвостом, лежало существо, отдаленно смахивающее на рыбу, точнее сказать ? сразу на несколько рыб: на ерша, на окуня, судака и еще на кого-то, из будущего на нас надвигающегося. Прежде всего замечались на существе колючки ? все оно было ошетиленно-иглисто, по спине, и по бокам, и под грудью, и на жабрах ? все сверкало стальной остротой, хребет был темен, неопределенного, илисто-серо-болотного цвета, такие же бока, и только туго набитое лягушачье пузо лучилось жизнерадостной сытостью, отливало жестяным блеском, да хвост и перья с колючками, наполненные вроде бы запекшейся кровью, кое-где йодисто-разжиженную, оживляли круглое тело, не то на большое веретено, не то на нерасколотое полешко похожее. Забравши в твердую, двумя подковами объятую, беспощадную пасть блесну Кеши Короба, новожитель реки и здесь, на миру, с хрустом, со скрежетом продолжал ее жевать. Лежать ему на боку и хлопаться об лед надоело. Опрокинувшись на брюхо, оно глянуло на народ нездешними глазами, наполовину закрытыми щитками, изготовленными вроде бы из космического, небьющегося, негорящего, пуленепроницаемого металла. Когда оно заводило глаза под щитки, взор делался запредельно-жутким, вся морда с пастью от глаза до глаза была отмечена печатью надменной враждебности. Наконец оно выкатило мутные, в то же время вострозрачные глаза и словно бы усмехнулось: "Ну, что? Поймали! Жрать будете?! Жрите-жрите! Сегодня вы нас, завтра мы вас..." ? Это шче же оно тако? ? чуть слышно шепотом спросил Кеша Короб, высунувший востренький нос из народа и, на всякий случай, державшийся обеими руками за чей-то плащ. Народ безмолвствовал. Даже черепахе были тихи и как бы маленько не в себе. И долго бы томился и думал народ, потому как народ наш не думает, не думает, да как задумается, то уж надолго, да в это время снизошел до масс московский рыбак, одетый в комсоставскую меховую одежду, без звезды на шапке, значит, не отставник ? тот ни за что не сымет звезду с шапки и шапку с себя. Раздвинув плечом рыбаков, москвич приблизился ко все еще валяющемуся, продолжающему скрежетать блесной существу, безбоязненно наступил ему на голову меховым командирским сапогом. Под сапогом захрустело, зев с блесною широко растворился, обнаружив по всему рту, и снизу, и сверху, и с боков, острую россыпь металлических сверкающих зубов. Хвост протестующе захлопался по мокрому, оно расшеперилось еще страшнее пастью, жабрами, плавниками, и, не смирясь, не сложив колючек, унялось, совершенно на усопшего не похожее, существо водяного происхождения. ? Ну что вы, ей-богу, как с неба свалились! ? сказал московский рыбак. ? Это же берш. ? Хто-о-о? ? Берш. Новая, стихийно возникшая популяция рыб. Кое-где она и раньше встречалась, по южным рекам и озерам. Но вот появилась и здесь. Нерестилища нарушены, ход рыбы смешан. Вы когда-нибудь о такой рыбе, как ротан, слышали? Нет, не слышали о ротане здешние рыбаки ? по лицам угадал москвич и поведал, что рыба ротан может обитать в любой луже, даже в мазуте, питаться может всем, вплоть до старых резиновых сапог и колесных шин, видимо, ближайшие поколения ротана уже начнут жрать гвозди, скобы, лопаты... Самого же ротана едят лишь пока избранные любители редкостных блюд, с закатанным брюхом. Что касается берша ? это смесь судака, окуня и ерша. Главное действующее лицо в нем ? ерш, со всеми

Астафьев Виктор Петрович Светопреставление astafevvictor.ru
его колючками и повадками. Но есть еще кто-то, науке не ведомый. Может, аргонавт... Народ продолжал безмолствовать и после того, как закончилась лекция, лишь спустя большое время, обреченно было выдохнуто: ? Опта-а-ть!.. ? началось! ? прошептал вологодский благонравный рыбак и украдчиво перекрестил себя по животу. ? Ч? началось? Ч?? Ты больше каркай! ? налетел на вологодского рыбака очнувшийся черепащин, тот самый, у которого на груди было начертано складное обращение к дедушке Калинину насчет милосердного к нему снисхождения. ? Светопреставление, вот шчо! ? заявил Кеша Короб и обратился к народу, может, мол, кто возьмет эту тварь себе? Черепащин тут же сгреб берша под жабры и пошел прочь. Кеша Короб сперва растерялся, однако скоро спохватился! ? Э-э, а блесну-то!.. ? Я думал, ты мне хычника с блесной подарил! ? осклабился черепащин рваным ртом, сплошь забитым стальными зубами, и, выдрав блесну вместе с яркой, но тоже колючками усыпанной жаброй, бросил удочку к ногам удрученного рыбака ? Кеши Короба. В тот день Кеша Короб от народа более не отрывался, утром терся ближе к поэтическому черепащину, заглядывал ему в лицо, отыскивая в нем значения и перемены. ? Ты нишчо, а? ? Ниче-о-о! ? зевая блескучей пастью, ответил черепащин. ? Вкусная, гада! Ели под водяру и облизывались. Имай ишшо, оптать! Более Кеша Короб на реку не приезжал, покрыло ее устье ? добычливое место ? вторым валом воды, да и отнеси от греха подальше! ? рыбачил только на родном водоеме ? озере Кубенском, постепенно дойдя до унизительной ловли сороги и ерша. Там, на озере Кубенском, и загинал Кеша Короб ? провалился весной под лед и утонул. Утонул... Совсем недавно одному своему приятелю-рыбаку, объездившему всю страну по вербовке и обрыбачившему многие реки, моря и озера, я возьми да и расскажи о светопреставлении, случившемся на вологодской земле. А он не смеется. Он мне как резанет; не зря, мол, вас, интеллектуалов задрипанных, кроют за отрыв от жизни ? берша ловят уже повсюду. В озере Аральском берш сожрал всю рыбную мелочь, дошел до осетровых, коих от веку никто, кроме человека, на земле не ел. Уж на что налим ? тварь всеядная, в холодной зимней воде, когда все рыбы в спячке, выедает все подчистую, кроме осетровых костерек, веретешек-стерлядок, потому как распорют они его "отселева и до Камчатки" бритвенно острыми хребтовинами. Бершу все нипочем, он ? существо будущего времени, преодолел все преграды, растет не по дням, а по часам, хватает всякую тварь не только в воде, но и над водой: птиц, змей, крыс, цапает любую блесну, обрывает лески, протыкает резиновые лодки, докатился слух, будто кто-то на южном озере схватил купающегося невинного ребенка за ногу и уволок в пучины вод. Не иначе как берш. Но может, еще неведомая нам тварь? Может, происшествие на реке было и на самом деле началом светопреставления, сигналом к тому, чтобы мы почаще думали о надвигающихся на нас чудесах в природе. 1984

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!